

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова**

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кафедра зарубежной журналистики и литературы

**Социальные аспекты вампиризма в литературе XIX века и их
отражение в медиа**

Выпускная квалификационная работа
студентки IV курса
дневного отделения

Середа Анны Игоревны

Научный руководитель:

Кандидат филологических наук Борис Александрович Максимов

К ЗАЩИТЕ

_____/_____/

«___»_____ 201__ г.

Зав. кафедрой

К ЗАЩИТЕ

_____/_____/

«___»_____ 201__ г.

Москва 2018

АННОТАЦИЯ

В ВКР бакалавра исследованы социальные аспекты вампиризма в литературе XIX века и их взаимосвязь с социальными реалиями. Для этого были выбраны и проанализированы наиболее информативные произведения соответствующего временного отрезка, критическая литература, а также исторические труды.

Целью данной работы является выявление взаимосвязи социальной трансформации в Европе XIX века и вампирической тематики в готических повестях и романах этого периода.

ABSTRACT

The graduation paper “Social aspects of vampirism in 19th century literature” examines social trends of 19th century realities and their connection to the depiction of vampirism. In order to understand them, the most informative novels about vampires of this time-period were chosen.

The research aims to demonstrate a connection between 19th century’s social transformation of Europe and the vampire theme in gothic literature of this time period.

Работа написана мною самостоятельно и не содержит неправомерных заимствований.

«__» _____

Оглавление	
Введение.....	3
Глава 1. Социальные группы и слои.....	6
1.1. Старая аристократия.....	6
1.2. Новые денди.....	10
1.3. Урбанизация, миграция и ксенофобия.....	14
Глава 2. Наука и религия.....	22
2.1. Религия: Христианство и язычество.....	22
2.2. Биология: Животное, человеческое и сверхчеловеческое.....	27
2.3. Медицина. Эпидемии и диагностика.....	31
2.4. Психология: Помешательство, гипноз и психоанализ.....	34
Глава 3. Гендер и сексуальность.....	40
3.1. Инверсия гендерных ролей.....	40
3.2. Нетрадиционная сексуальность.....	42
3.3. Брак, семья и деторождение.....	45
Заключение.....	50
Список литературы.....	53

Введение

В готической прозе XIX века образ вампира занимает исключительное место: это без преувеличения любимый злодей романтизма и неоромантизма. Окружающий его мистический ореол подчас заставляет нас забывать о том, что, как всякий архетипический образ, он имеет отчетливые исторические корни, прежде всего – социальные.

Рабочая гипотеза работы – это исследование того, как социальные реалии XIX века, разрабатываясь в повести или романе, и перемены своего времени отражаются в развитии европейского общества, урбанизацию и массовую иммиграцию в развитые европейские страны из менее цивилизованных регионов, секуляризацию, бурное развитие естественных наук (прежде всего, химии и биологии), успехи медицины и психиатрии, либерализацию сексуальной морали и гендерных моделей.

Актуальность работы придает востребованность вампирической тематики и в масс-культуре, и в гуманитарных исследованиях (в области филологии, культурологии, психологии). Вместе с тем, основное внимание ученых традиционно привлекает мифологическая, архетипическая компонента образа вампира, в то время как его связь с социально-экономическими процессами и научно-технологическими преобразованиями Новейшего времени остается малоисследованной. В отечественном литературоведении работы такой тематики практически отсутствуют.

Новизна работы определяется не только обращением к относительно малоизученным аспектам архетипической фигуры, актуальной и популярной в современном искусстве, но и привлечением более широкого, чем практикуется обычно, корпуса художественных текстов. Наряду с каноническими повестями и романами о вампирах, такими как «Дракула» Брэма Стокера, «Кармила» Ле Фаню, «Вампир» Полидори, «Упырь»

А.К.Толстого, в работе анализируются готические повести XIX века, которые редко рассматривают в связи с вампиризмом. Между тем, типологически они близки, если не сказать, тождественны классическим историям о вампирах постольку, поскольку их темой является подчинение обыкновенного человека – монструозному «сверхчеловеку», имеющему черты ожившего мертвеца, который вытягивает из своей жертвы жизненную силу и в конечном итоге доводит своего донора до смерти или безумия. Речь идет о таких готических новеллах и повестях, как «Магнетизер» и «Зловещий гость» Гофмана, «Портрет» и «Вий» Гоголя, «Венера Ильская» Мериме, «Дочь Раппачини» Готорна. Несмотря на то, что злодей в этих произведениях прямо не именуется вампиром, между этими образами все равно присутствует типологическое родство. Также **объектом исследования** стали редко упоминаемые литературоведами, но весьма информативные повести о вампирах, такие как «Паола» Буше де Перта, «Убийство мадам Кабанель» Э.Линтона, «Тайна Кена» Д.Готорна, «Правдивая история вампира» Э.Стенбока, «Могила Сары» Ф. Дж. Лоринга.

Целью настоящей работы было выявить взаимосвязь социальной трансформации в Европе XIX века и вампирической тематики в готических повестях и романах этого периода. В рамках названной темы ставилась **задача** выделить несколько крупных тематических блоков - трансформация социальных структур, научно-технический прогресс и религиозное сознание, гендер и сексуальная мораль – и проследить, как изменения в этих сферах отображаются в вампирическом сюжете.

Научные источники представлены статьями и монографиями современных российских и зарубежных культурологов, в частности, К. Асмолова, А. Секацкого, Д. Хапаевой, М. Ямпольского, Ю. Кристевой, Д. Гольинко-Вольфсона, Н. Ауэрбах, С. Клементс, В. Холингер, К. Джедлера, В. Караминас и др.

Глава 1. Социальные группы и слои

1.1. Старая аристократия

Феодальный строй, сохранявшийся в Европе вплоть до конца XVII столетия, на исходе века Просвещения был уже нежизнеспособным, по крайней мере, в наиболее развитых европейских государствах (Англия, Германия, Франция), в которых сформировалась готическая повесть с мотивами вампиризма. Одновременно с ослаблением аристократии наращивали капитал и политическое влияние различные группы третьего сословия. Впрочем, социальная трансформация совершалась медленно. Доминик Ливен в книге «Аристократия в Европе, 1815-1914», констатировал, что «в девятнадцатый век аристократия входила, владея огромным богатством, властью и статусом; и прошло немало времени, прежде чем дворяне превратились в малозначительных членов общества»¹. В данном случае речь идет о Британии, где парламент, в котором доминирующую роль играли аристократы, контролировал центральное правительство, тогда как местные администрации были всецело в руках лордов-наместников и мировых судей. «В Пруссии и, даже еще в большей степени, в России, - отмечает Ливен - правили монархи и чиновники, аристократия же оказывала влияние, однако властью не пользовалась»².

В готических новеллах и романах XIX века, как можно заметить, вампиры аристократичны и в буквальном (т.е. социальном), и в обобщенном смысле слова. Всех их, начиная с образа, созданного Полидори, отличает благородная бледность и элегантность движений и костюмов. Оригинальный фольклорный образ, бытовавший в то время в Европе, изображал вампира непосредственно как мертвеца, который выбрался из земли: он был одет в грязный саван, в котором его погребли, тело его было разбухшим и

1 Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815–1914. М., 2000. С.10

2 Там же

красноватым (от выпитой крови), либо посиневшим, как у утопленника. Единственной его страстью было насыщение, и он не делал никакого различия между своими жертвами. Совсем иной образ мы встречаем у романтиков. Это изящный аристократ с присущими этому сословию проблемами – слабым здоровьем и болезненной нервозностью, трудностями с продолжением рода – все это было следствием специфического образа жизни. Бледность и субтильность выделяли вампиров из массы загорелых от постоянной работы на воздухе, крепких крестьян, дурная наследственность была результатом частых инцестуальных связей в древних родах.

Влиятельные аристократы поддерживали идеи конституционной монархии. В политическом отношении они оставались консерваторами, несмотря на то, что вторая половина XIX века серьезно пошатнула их устои. Усиление финансовой и промышленной буржуазии, революционные настроения рабочего класса и необходимость реформирования государственного устройства ослабили положение аристократии, которая больше не могла опираться на авторитет наследственной власти.

Весьма характерно в этой связи, что у А. К. Толстого в «Упыре» (1841) выведен вампирский тандем, объединяющий родовую, консервативную аристократию (Сугробина) и старорежимное чиновничество (статский советник Теляев), имеющие феодальные корни (рыцарь Амвросий). В описании имения Сугробиной подчеркивается архаичность и гигантизм, отсылающие нас к ренессансным и барочным ансамблям: «Еще издали виден большой каменный дом, выстроенный по-старинному... Здание было вместе легко и величественно; можно было с первого взгляда угадать, что его строил архитектор италийский, ибо оно во многом напоминало прекрасные виллы в Ломбардии или в окрестностях Рима»³. С одной стороны, перед нами – уходящая натура, с другой стороны, эти архаические фигуры не

³ Толстой. А.К. Упырь. М., 2013. С. 15

желают уходить в иной мир и сохраняют некоторые рычаги влияния, о чем тщетно пытается предупредить героев (а заодно и читателя) коллежский асессор Романенко. К слову, подобные сочетания (масштабность и пышность, напоминающая о прежней власти и силе, и старость, в предельном случае – ветхость) доминируют в знаменитом изображении дома Ашеров, вытягивающего жизненные соки из своих обитателей: «Хотя резьба на потолках, темные обои на стенах, полы, окрашенные в черную краску, фантастические воинские доспехи, звеневшие, когда я проходил мимо — были мне знакомы с детства — хотя я сразу узнал все это, — но странно: эти знакомые предметы возбуждали во мне ощущения, совершенно незнакомые. <...> Я очутился в высокой и просторной комнате. Длинные, узкие стрельчатые окна помещались на такой высоте от черного дубового пола, что были совершенно недоступны изнутри. <...> Мебель была старинная, неудобная и ветхая»⁴.

Этот топос, созданный готическим романом позднего Просвещения, одним из первых представил как обиталище вампира Гофман в «Пустом доме»: «В продолжении короткого моего пребывания в загадочном доме я успел заметить, что стены в передней затянуты старинными пестрыми обоями, кресла, обитые красным штофом, больше подходили бы для мебелировки залы <...> я, сам не знаю каким образом, вдруг очутился в просторной, ярко освещенной множеством свечей зале, обставленной в старинном духе раззолоченной мебелью и украшенной причудливыми японскими вазами»⁵.

За аристократами тянется мрачный след эксплуатации и насилия. Память о дворянах-садистах вроде «кровавой» графини Батори, которые, согласно преданию, безнаказанно истязали и казнили своих крепостных, отзывается в образах готических «вилланов» XVIII века и романтических

4 По Э. Падение дома Ашеров. СПб. 2012. С. 28.

5 Гофман Э. Т. А. Пустой дом // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, СПб. 2010. С. 128.

вампиров XIX столетия. В отдельных новеллах можно обнаружить прямые указания на бесчинства аристократов Нового времени: «Говорят, что это могила последней представительницы рода Кеньонов, ужасной графини Сары, убитой в 1630 году. <...> О графине ходили дурные слухи. Эта тварь якобы нападала на детей, а если детей не было, то на овец и других животных, утаскивала их в замок, и там графиня высасывала из них кровь»⁶. С такой же неприязнью отзывается Карнштейнах (род, из которого происходит вампирша Кармила) генерал Шпильсдорф, когда проезжает мимо заброшенной деревни: «Здесь и писалась кровавая летопись их злодеяний. Все они давно в могилах, однако и нынче, ненасытные изверги, не дают людям покоя. Вот она, их часовня, она же склеп»⁷.

Любопытно, что по мере того, как экономическая эксплуатация становится прерогативой буржуазии, этот класс также начинает приобретать вампирические черты, если не в художественной литературе, то в публицистике. Вольнодумцы XVIII века, начиная от Вольтера, уподобляли кровопийцам дворян («Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания»⁸ - писал, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев, именовавший дворян-помещиков «пиявицами ненасытными»⁹). В XIX веке образ вампира реанимируется в «Капитале» Карла Маркса (1867): «Маркс уподоблял вампиру британскую промышленность, требующую человеческой крови, а также французский средний класс, паразитирующий на крестьянах»¹⁰, - поясняет эту метафору Вики Караминас. Речь шла о превращении индивида в трудовой ресурс, единственная задача которого – питать ненасытную машину

6 Лоринг Ф. Дж. Могила Сары // Вампирские архивы. М., 2011. С. 232.

7 Ле Фаню Д. Ш. Кармила. СПб., 2017. С. 34.

8 Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981. С. 108

9 Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981.

10 Караминас В. Денди-вампир // Новое литературное обозрение. №23. 2012. С. 86

капиталистического производства. В свою очередь, Маркс позаимствовал это сравнение у Энгельса, осуждавшего «класс вампиров-собственников»¹¹.

В противовес угасающей аристократии, значение третьего сословия неуклонно повышалось. К примеру, сам факт того, что знаменитейший литературный вампир XIX века - граф Дракула из одноименного романа Брэма Стокера - обратился к услугам юриста для покупки недвижимости в Лондоне, говорит об ограниченном влиянии бессмертного аристократа. Особенно, когда речь заходит о легальном приобретении земли в цивилизованной Европе, а не об управлении сознанием темного крепостного люда или психически больных. Здесь в роли незаменимого профессионала, выступает Джонатан Харкер, который обязан своим влиянием специализации, а не предкам.

Происходило смешение буржуазных и аристократических ценностей, при этом социальная стратификация позволяла совершенно разным людям почувствовать себя частью элиты: выходцам из провинции, финансистам, богатым евреям-капиталодержателям, разбогатевшим промышленникам, чиновникам. Вампирические мотивы нередко сквозят в сюжетах о внезапном обогащении или социальном скачке, восходящим к средневековому мотиву сделки с дьяволом – можно вспомнить «Холодное сердце» Гауфа, «Питера Шлемиля», «Вечер накануне Ивана Купала» и «Портрет» Гоголя, а также «Руненберг» Тика и сходную с ним по сюжету новеллу Гофмана «Фалунские рудники». Почвой для подобных сюжетов является возросшая в XIX веке социальная мобильность, точнее, обратная сторона современного, внесословного общества.

1.2. Новые денди

Размывание межсословных границ ярко проявилось в таком явлении, как дендизм, зародившийся в Англии на рубеже XVIII и XIX веков. «Дендизм,

¹¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии Спб., 1905. С. 16

— пишет Бодлер, — появляется преимущественно в переходные эпохи, когда демократия еще не достигла подлинного могущества, а аристократия лишь отчасти утратила достоинство и почву под ногами»¹². "Дендизм" (в переводе "денди" - блистательный, эффектный) - образ жизни джентльмена с вычурным стилем в одежде, галантными манерами и благородным поведением. С английской точки зрения, ключевую роль здесь играла не модная одежда, а претензия на избранность, на благородство. Первым денди считается англичанин Джордж Брайан Браммел, которого называли Бо Браммел ("Красавчик Браммел"). Его красота, художественный вкус и литературный талант прославили его, однако происхождения он был незнатного (сын секретаря лорда), поэтому ему необходимо было перещеголять аристократов, дабы выделиться из толпы. Денди формировали моду, вводили нормы гигиены, такие как ежедневные ванны и частая смена белья. Дендизм постепенно стирал границы между аристократией и средним классом, поскольку юноши незнатного происхождения теперь могли задавать тон в традиционной сфере влияния аристократов.

Между денди и литературным вампиром много точек пересечения. Путь денди выбирает для себя, в частности, Чартков под влиянием вампирического ростовщика, прежде чем самому превратиться в вампира, одержимого жадной разрушения. Начало этого пути описано у Гоголя самыми живыми красками: «Чартков сделался модным живописцем во всех отношениях. Стал ездить на обеды, сопровождать дам в галереи и даже на гулянья, щегольски одеваться и утверждать гласно, что художник должен принадлежать к обществу, что нужно поддержать его званье, что художники одеваются как сапожники, не умеют прилично вести себя, не соблюдают высшего тона и лишены всякой образованности. Дома у себя, в мастерской он завел опрятность и чистоту в высшей степени, определил двух великолепных

¹² Бодлер Ш. Поэт современной жизни. М., 1986. С. 132.

лакеев, завел щегольских учеников, переодевался несколько раз в день в разные утренние костюмы, завивался, занялся улучшением разных манер, с которыми принимать посетителей, занялся украшением всеми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ею приятное впечатление на дам; одним словом, скоро нельзя было в нем вовсе узнать того скромного художника, который работал когда-то незаметно в своей лачужке на Васильевском острове»¹³ Типологическая близость между эгоцентрическим модником и вампиром, губящим все живое вокруг, отражена и в образе Джованни Гуасконтти у Готорна – не случайно, он впервые осознает и проявляет свои вампирические свойства, стоя перед зеркалом: «он не удержался, чтобы не взглянуть на себя в зеркало. Тщеславие, вполне естественное в красивом молодом человеке, проявленное в такой критический момент, невольно свидетельствовало о некоторой черствости сердца и непостоянстве натуры. Увидев себя в зеркале, он нашел, что никогда еще черты лица его не казались столь привлекательными, глаза не сверкали подобным блеском, а щеки не были окрашены так ярко.

"По крайней мере, - подумал он, - ее яд еще не успел проникнуть в меня. Я не похож на цветок, который вянет от ее прикосновения".

Он машинально взглянул на букет, который все это время держал в руках. Дрожь неизъяснимого ужаса пронзила все его существо, когда он увидел, что цветы, еще недавно свежие и яркие, блестящие капельками росы, сникли и стали увядать, как будто сорванные накануне. Бледный как мел, он застыл перед зеркалом, с ужасом уставясь на свое изображение, как если бы перед ним предстало чудовище».¹⁴

Героиню новеллы «Мантилья леди Элинор» можно считать женским образцом дендизма (с тем уточнением, что она «принадлежала к самым

13 Гоголь Н.В. Портрет. СПб, 2012. С. 67.

14 Готорн Н. Дочь Рапачини // Алая буква. М, 2006. С. 34

богатым и аристократическим кругам Англии»¹⁵). Это заносчивая, утонченная и эгоцентричная дама. «Черты благородные и привлекательные соединялись с неслыханным высокомерием и надменным сознанием собственного превосходства: она так гордилась своим происхождением и наружностью, что даже не пыталась скрывать этого»¹⁶. Роковая мантилья – это не только символ ее высокомерия, но и эксцентрический предмет гардероба. Один из ярчайших представителей дендизма, лорд Байрон, по выражению Розалинд Х. Уильямс, был в массовом сознании «неразрывно спаян с представлением о мистике и обреченности и граничил с образом вампира»¹⁷ Это представление сложилось отчасти благодаря повести Джона Полидори «Вампир», которому Байрон послужил прототипом главного героя, демонического лорда Рутвена. Еще одним основанием стала сомнительная репутация Байрона, которого лондонское общество объявило сексуальным извращенцем. Впрочем, буржуазная публика и при жизни, и – особенно – после смерти восхищалась им, считая Байрона «гламурным изгоем»¹⁸ и «романтиком богемы»¹⁹.

Подобно бунтарю-денди, вампир не подчиняется социальным установкам. Кен Джелдер в работе «Прочтение вампира» пишет: «Быть вампиром, значит быть «культурным», то есть обладать «аристократическим» вкусом; также это значит быть бездельником»²⁰. Бодлер видит в денди человека, который находил спасение от социальной действительности и жестоких реалий политики в культе красоты и в эстетизации жизни. В статье «Поэт современной жизни» (1863) он рисует портрет парижского денди XIX столетия - богатого, скептически настроенного и изящного эстета, неотделимого от мира роскоши, «чье единственное ремесло - быть

15 Готорн Н. Мантилья леди Элинон // Алая буква. М, 2006. С. 89.

16 Готорн Н. Мантилья леди Элинон // Алая буква. М, 2006. С. 90.

17 Караминас В. Денди-вампир // Новое литературное обозрение. №23. 2012. С. 92

18 Там же

19 Там же

20 Джелдер К. Прочтение вампира. Routledge, 1994. С. 121.

элегантным... единственное назначение этих существ – культивировать в самих себе утонченность, удовлетворять свои желания, размышлять и чувствовать». Культ собственной личности стал для них, по мнению Бодлера, «родом религии».

Подобно денди, вампир — асоциальная и аполитичная личность, пребывающая вне истории; этот образ отражает желание преодолеть пределы стандартной человеческой судьбы: никогда не стариться, но оставаться вечно молодым, не умирать, но жить вечно. Подобно денди, протестующим против экспансии буржуазности посредством возрождения аристократических ценностей, таких как доблесть и элегантность, вампиры также активизируются в периоды социальных и политических перемен.

1.3. Урбанизация, миграция и ксенофобия

Применительно к XIX веку историки и социологи говорят о «миграционном взрыве»²¹. В этот период массы людей мигрировали в развитые страны Европы в основном по экономическим причинам, стремясь найти работу в промышленных городах с относительно высоким уровнем жизни.

Так, граф Дракула в одноименном романе Брэма Стокера готовится к переезду в столицу ведущей европейской державы, крупнейший промышленный и культурный центр Европы – Лондон. В беседе с Джонатаном Харкером он так обосновывает свои планы: «Я жажду попасть на переполненные народом улицы вашего величественного Лондона, проникнуть в самый круговорот суеты человечества, участвовать в этой жизни и ее переменах, ее смерти, словом, во всем том, что делает эту страну тем, что она есть»²². Подобная мотивация наблюдалась у большинства мигрантов XIX века,

21 McCutcheon M. *Everyday Life in the 1800s: A Guide for Writers, Students & Historians* (Writer's Guides to Everyday Life). Writer's Digest Books, 2001 p.120

22 Стокер. Б. Дракула. М., 2016. С. 89

желавших приобщиться к развитой европейской цивилизации. Яркий пример можно найти в новелле «Орля» Мопассана: «На нем и приплыло Существо, приплыло оттуда, где зародилось его племя! И оно увидело меня! Оно увидело мой дом, такой же белый, и спрыгнуло с корабля на берег. О боже! Теперь я знаю, я догадываюсь! Царство человека кончилось. Пришел он, Тот, перед кем некогда испытывали ужас первобытные пугливые племена»²³.

Внутренняя миграция населения происходила вследствие урбанизации, т.е. формирования агломераций и переселения деревенских жителей в города. В город переезжали обезземеленные крестьяне, разорившиеся ремесленники, искавшие заработок на низкоквалифицированных работах - в строительстве домов и дорог, на фабриках и т.п. Обеспечивая приток рабочей силы, неконтролируемая миграция одновременно вела к взрывному росту безработицы, резкому имущественному расслоению, провоцировала ксенофобию и расизм.

Неудивительно, что местные жители подозрительно относились не только к самим мигрантам, но и к их культуре. Обрывочные знания о чужой культуре, «странности» в образе жизни и поведении приезжих, социальные предрассудки и стереотипы порождали страх перед некоей «варварской» стихией, сочетавшийся, впрочем, с интересом к экзотике. Последний подпитывали все более масштабные и массовые путешествия, которые позволял предпринимать научно-технический прогресс, а также колониальная политика ведущих европейских держав. Пугало же европейцев прежде всего стремительное увеличение числа мигрантов, их выносливость и плодовитость. Их воспринимали как вирус, быстро распространяющийся по Европе. Не случайно вампиры, хотя и не способны к деторождению, неограниченно распространяются посредством укуса, тиражируют себе подобных.

23 Мопассан Г. де. Орля. // Новеллы. М., 1982. С. 76

В незавершенной повести про Огаста Дарвелла, (хотя Байрон и не называет главного героя вампиром напрямую) прослеживается тенденция, впоследствии отразившаяся во многих произведениях о вампирах. Речь идет о чужеземном происхождении персонажа, о его экзотической национальной окраске. Так, во время путешествия героев «Огаста Дарвелла» на Восток, в Смирну, выясняется, что Дарвелл прежде бывал в этих краях при таинственных обстоятельствах, о которых читателю остается только догадываться. Также он передает рассказчику перстень с печатью, «на котором были начертаны арабские письмена»²⁴. Сходную неопределенность мы наблюдаем в «Паоле» Буше де Перта, где явление главной героини порождает сплетни и пересуды: «одни уверяли, что это особа княжеского рода, путешествующая инкогнито; другие утверждали, что она жена польского магната, сбежавшая в Италию из-за буйного нрава мужа; третьи же были убеждены, что в Генуе скрывается некая француженка, прославленная своими похождениями и красотой».

Мы находим подобный пример и в «Зловещем госте»: «Острый акцент, с которым он говорил по-французски и по-немецки, заставлял с вероятностью предполагать, что он не принадлежал ни к одной из этих национальностей»²⁵. В «Кармилле» национальную принадлежность героини сложно определить: «Всего-то я и выведала: во-первых, что ее зовут Кармиллой; во-вторых, что род ее древний и знатный; в-третьих, что живут они где-то на западе. Она скрыла их родовое имя, отказалась описать родовой герб; я не знала, как зовутся их владения, не знала даже, где они, в какой стране... Иногда она мельком упоминала о родном доме, рассказывала какую-нибудь историю, описывала памятное с детства происшествие - и вырисовывались люди не здешние, живущие иными обычаями, вовсе нам незнакомыми. Должно быть,

24 Байрон Д.Г. Огаст Дарвелл // Английская повесть о вампирах. М., 2010. С. 237

25 Гофман Э.Т.А. Зловещий гость // Вампирские архивы. М., 2011.

она приехала издалека; поначалу это было непонятно»²⁶. Национальная принадлежность была определяющей чертой в XIX веке, ее отсутствие означало аутсайдерство и было необычным, пугающим фактором.

Проспер Мериме в 1827 году анонимно опубликовал свою литературную мистификацию «Гусли или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине». Своеобразным приложением к этому фиктивному переводу народных песен стал очерк «О вампиризме», построенный на экзотическом материале: здесь автор противопоставляет силу суеверий, характерную для балканских крестьян и скепсис просвещенного рассказчика, западноевропейского интеллектуала. Брэм Стокер в «Дракуле» объединяет особенности «Огаста Дарвелла», и «Вампира», демонстрируя читателю и экзотическое место действия, и «варварские» национальные корни графа Дракулы. О своей родине граф сообщает Джонатану Харкеру следующее: «Мы в Трансильвании, а Трансильвания - это не Англия. Наши обычаи не те, что у вас, и многое здесь вам покажется странным»²⁷. О происхождении рода Дракулы читатель также узнает с его собственных слов: «Мы – секлеры, имеем право гордиться, так как в наших жилах течет кровь многих храбрых племен, которые дрались как львы за превосходство в мире. Здесь в смешении европейских народностей выделилось племя угров, наследовавшее от исландцев воинственный дух... <...> Да к тому же когда они добрались сюда, то нашли здесь гуннов... <...> Кто из Четырех Наций радостнее, чем мы, бросался в кровавый бой с превосходящими силами врага или на военный клич собирался быстрее под знамена короля?»²⁸. Таким образом, противопоставление «свой – чужой» звучит здесь с удвоенной силой.

26 Ле Фаню Д. Ш. Кармила. СПб, 2017. С. 65

27 Стокер. Б. Дракула. М., 2016 С. 123.

28 Стокер. Б. Дракула. М., 2016 С. 132.

Главные герои романа боятся вторжения извне, миграции из европейского захолустья в центр империи. Англия в романе впервые предстает не как захватчик новых территорий, а как жертва колонизации, а Дракула — символ варварского Востока, угрожающего империи «Ваши женщины, которых вы любите, уже все мои»²⁹, — говорит Дракула, выражая тем самым идею мирового господства. Порабощение Мины, в данном контексте, выглядит как отзвук идеи Энгельса о женщине как первой форме собственности, описанной в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» в 1883 году, за 13 лет до «Дракулы». Стокер был знаком с идеями Энгельса. Дракула, похищая Мину, основывает не столько семью, сколько свое племя, претедующее на автономию от порядков и уставов викторианского Лондона.

Но не только экзотические восточные страны служили фоном для повестей о вампирах. Американские писатели, часто поэтизировали (и демонизировали) глухие уголки Старого Света. Страх горожан перед переселенцами и одновременно перед урбанизацией отобразился в рассказе Джулиана Готорна «Тайна Кена». Вот как характеризует главный герой — американский путешественник из Нью-Йорка — коренное население графства Корк, расположенного на юге Ирландии: «Немногочисленные селяне приветливы и гостеприимны — особенно когда слышат, что вы прибыли из того земного рая, куда уже перебралось большинство их родственников и друзей. На первый взгляд они довольно бесхитростны и простоваты, однако на деле это такой же странный и загадочный народ, как и всякий другой. Они так же суеверны и так же верят в чудеса, знамения, фей и волшебников, как их предки, которым проповедовал святой Патрик, и вместе с тем изворотливые, недоверчивые, прагматичные и беспринципные лжецы»³⁰. В отчетливо недоброжелательном портрете ирландцев Джулиан Готорн акцентирует

29 Стокер. Б. Дракула. М., 2016 С. 225.

30 Готорн Д. Тайна Кена // Вампирские архивы. М., 2011. С. 454.

скрытую угрозу, дикость и бедность («Горожане сплошь бедны, большинство пребывает в крайней нужде и слоняется по улица босиком с непокрытыми головами»³¹), противопоставляя их зажиточной и относительно безопасной Америке.

Одновременно с ростом настороженности внутри страны усиливался интерес к национальной специфике других (соседних или «экзотических») народов. Действие тех событий «Дракулы» Брэма Стокера, что происходят на территории Трансильвании, ожидаемо знакомит читателя с местными жителями. В дневнике Джонатана Харкера достаточно много внимания уделяется не только особенностям местности, которая характеризуется, как «один из самых диких и малоизвестных уголков Европы»³², но и народностям, проживающим в Трансильвании, в частности, венграм и валахам, происходящим от даков. Рассказчик не устает подчеркивать суеверность, «странность» и дикость карпатских жителей: «Карпаты, словно подкова магнита, притягивают к себе все мыслимые в мире суеверия, они как будто в центре странного водоворота фантазии»³³. Выпусти их на сцену, их бы тут же приняли за матерых восточных разбойников». Румынские крестьяне и цыгане фигурируют в дальнейшем повествовании в основном, как подручные Дракулы. Так, например, они ценой своих жизней защищают ящик, в котором граф возвращался в свои трансильванские владения. Сходным образом описывается диковатая и уродливая свита Кармиллы у Ле Фаню: «Там, оказывается, сидела жуткая черная старуха в цветном тюрбане; она выглядывала в окошко, кивала, ухмылялась и злобно тарасилась; глаза ее сверкали, а зубы были оскалены, точно в бешенстве. - А заметили, каковы слуги? - спросила мадам. - Да, - сказал отец, входя, - ни дать ни взять шайка

31 Готорн Д. Тайна Кена // Вампирские архивы. М., 2011. С. 454.

32 Стокер. Б. Дракула. М., 2016 С.15.

33 Стокер. Б. Дракула. М., 2016 С.16..

висельников. Спасибо еще, если они не ограбят свою госпожу где-нибудь посреди леса»³⁴.

В начале XIX века в Европе, под влиянием Наполеоновских войн, распространяются идеи национализма. Национализм также стал важным инструментом для развития капиталистической экономики - он позволял сплотить общество и мобилизовать его энергию. Во многих странах Европы национализм распространялся по культурно-этническому принципу. Так, например, в Германии была популярна идея языковой и культурной общности, что способствовало бы объединению свободных граждан германских земель. Обратной стороной национализма были всплески расизма и ксенофобии.

В оппозиции «свой – чужой» обращает на себя внимание не только дикость, но и космополитизм вампиров, их способность мимикрировать под ту или иную нацию. Зачастую они ассоциируются с малознакомыми западным странам государствами восточной Европы. Так, свиту матери Кармиллы составляют цыгане – выходцы из восточной Европы, к тому же, не имеющие конкретной родины и пристанища, вечные скитальцы с загадочными для европейца социальными нормами, таинственными верованиями (знаменитая цыганская магия или цыганский сглаз, которые, на деле, опирались на знание психологии из-за необходимости приспособливаться). Другой характерный пример – Паола из одноименного рассказа Буше де Перта, национальная принадлежность которой, как уже упоминалось, становится поводом для пересудов и множества теорий, вызывая интуитивное недоверие к ней. В более широком смысле вампиры, не случайно ассоциируемые с древними кочевыми народами, способными к мимикрии, уподобляются неуспокоенным духам, что бродят меж миром живых и миром мертвых. Иными словами, вампир – не

34 Ле Фаню Д. Ш. Кармилла. СПб, 2017. С.122.

просто мертвец, он мертвец-изгнанник, дух, которому нет покоя и пристанища, хоть он и принадлежит обоим мирам³⁵.

Развитию националистических настроений косвенно способствовал еще один фактор. В конце XIX века получает распространение концепция социального дарвинизма, которая полагает биологические принципы естественного отбора регуляторами общественной жизни. Классовое неравенство, согласно социальному дарвинизму, объявлялось следствием биологического, врожденного неравенства людей: получалось, что одни расы самой природой были приспособлены к угнетению, а другие - к превосходству. В такой классификации вампиров следовало бы отнести к превосходящей расе, расе угнетателей – как более сильных, более умных, более живучих. Вспомним характерное описание силы вампира из «Кармиллы»: «Один из признаков вампира - сила его руки. Тонкая рука Миркаллы сомкнулась как стальные тиски на запястье генерала, когда тот занес топор для удара. Но сила вампира этим не ограничивается: конечности, которые он сжимал, немеют и восстанавливают подвижность медленно и не всегда»³⁶.

35 Космполитизм вампиров, который, по своей сути, является политической формой другого проявления этой оппозиции – живой – мертвый. Мир живых и мир мертвых всегда был четко разделен в сознании людей, но смерти, как перехода в мир чужих, боялись не так сильно, как неприкаянности. Зеркало (впоследствии, также ассоциировавшееся с вампирами) завешивалось после смерти человека, отождествляясь с неким порталом, в котором человек видит другого, чужого себя. Прохода через этот портал и вечного плена в нем, его обитателей, страшился каждый.

36 Ле Фаню Д. Ш. Кармилла. СПб, 2017. С. 44.

Глава 2. Наука и религия

2.1. Религия: Христианство и язычество

Бурное развитие естественных и точных наук, проведение либеральных реформ в политике, возрастающие охват и качество образования, секуляризация церковных земель и, наконец, отделение государства от церкви, завершившееся в общеевропейских масштабах к середине XIX века, заметно ослабило влияние церкви на человека. Свою лепту внесла и историческая наука, которая подвергла сомнению подлинность и сакральность считавшихся священными источников. Поэтому в XIX веке религиозность зачастую стала сводиться к формальному соблюдению обрядов.

Вероятно, образ вампира становится привлекательным оттого, что он предлагает альтернативную, и даже оппозиционную церковной модель поведения и идеологию. Начать с того, что его безудержный гедонизм противостоит церковным догматам. В повести Готье «Любовь мертвой красавицы» один взгляд на вампиршу вселяет сладострастные мечты в душу юного священника, побуждает его отказаться от церковного служения в пользу жизни, полной удовольствий. «Между тем церемония шла своим чередом и уводила меня все дальше от мира, нарождавшиеся желания которого яростно бились, требуя впустить их. Я совершил усилие, которое могло бы свернуть гору, хотел крикнуть, что не хочу быть священником». В прямой конфликт с христианскими ритуалами и ценностями вступает Кармила: при виде погребальной процессии «лицо ее стало иссиня-черным; она стиснула зубы и кулаки, насупилась, сжала губы, уставилась в землю и затряслась, как в лихорадке. Изо всех сил старалась она, задыхаясь, подавить этот приступ; наконец у нее вырвался сдавленный мучительный вопль, и она

понемногу успокоилась. - Ну вот! - проговорила она. - Погребальные песнопения до добра не доводят!»

Само существование вампира – посмертная телесная жизнь на земле – противно христианской концепции загробного воздаяния. Мораль вампиров представляет собой последовательную инверсию христианских норм: эгоцентризм вместо жертвенной любви, агрессия вместо кротости, даже сам процесс питания вампиров можно истолковать как извращенный обряд причастия. Если христианин, символически вкушая плоть и кровь Спасителя, приобщается к вечной жизни через единение с Богом, то вампир, физически породнившись со своим ближним через его плоть и кровь, поглощает его и сам становится бессмертным божеством. Причащаемый и бог меняются местами. Извращение церковных обрядов с давних пор считалось смертным грехом: черная месса – это проведение мессы задом-наперед, а женщин, добровольно прочитавших «Отче наш» в обратном порядке, объявляли ведьмами. Неудивительно, что церковные атрибуты – святая вода, молитва и распятие – представлены в готической прозе XIX века как действенный инструмент борьбы с вампирами.

По мере ослабления церковных институтов набирали силу неканонические религиозные течения, такие как оккультизм и теософия. Оккультисты считали необходимым вернуться к религиозным корням, в частности, к раннехристианским, иудаистским и языческим обрядам. Эти, подозрительные с точки зрения официального христианства, традиции возрождают вампирические женские образы Эдгара По, в частности, Лигейя: «я заметил, что она <...> постоянно предлагала мне мистические произведения, которые обычно считаются всего лишь жалкой накипью ранней немецкой литературы. По непостижимой для меня причине они были ее постоянным и любимым предметом изучения»³⁷.

37 По Э. Лигейя // Лучшие стихи и рассказы. СПб., 2016. С. 12.

Если говорить о литературных вампирах, то их верования и ритуалы имеют отчетливый языческий оттенок. Вспомним «ночные оргии вампиров», описанные Иантой в «Вампире» Д. Полидори. Лорд Рутвен желает быть похороненным по языческому лунному обряду так, чтобы первый луч восходящей луны коснулся его лица. Древними богами называет один из путешественников вампирических (отнимающих энергию, подавляющих волю) призраков в «Ивах» Блэквуда. Отсылку к языческим верованиям мы находим в «Кармилле» Ле Фаню: «Иногда вампир, как представляется, вынужден выполнять некие особые условия. В том случае, о котором я вам рассказала, Миркалла, кажется, должна была носить если не свое настоящее имя, то, по крайней мере, составленное из тех же букв, без единого изъятия или добавления, то есть анаграмму своего имени. Имя Кармилла этому условию соответствует, Милларка — тоже»³⁸. (Речь идет о тайне имени, которое, по языческим нормам, следует скрывать, заменяя подложным, чтобы защитить ребенка от злых духов).

Скепсис в отношении «простонародных» суеверий всегда имеет фатальные последствия, как мы видим уже у Полидори. Когда «суеверная» гречанка Ианфа вместе со своими родителями пытается убедить молодого английского аристократа Обри в существовании вампиров, тот, хоть и замечает в описании черты своего спутника лорда Рутвена, пренебрегает ее советами с позиций просвещенного англичанина: «Обри не воспринял всерьез этих предупреждений и постарался высмеять наивную веру в вампиров, но, заметив, какой ужас вызвали у родителей Ианфы его насмешки над сверхъестественными адскими силами, при одном упоминании которых кровь стыла в их жилах, юноша замолчал»³⁹.

38 Ле Фаню Д. Ш. Кармилла. СПб, 2017 С.23.

39 Полидори Д. У. Вампир. // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, Спб. 2010. С. 167.

Вампиры в литературе XIX века последовательно связываются с архаическими (сравнительно с христианством) формами религии. Наглядным примером является деформация аббатства в «Тайном поклонении» Блэквуда, когда оно превращается в секту демонов, которые в буквальном смысле слова питаются жизнями своих молодых воспитанников: «даже их «музыка воспринималась как дьявольски отвратительная, кощунственная, богомерзкая... Все окружение Харриса приняло зловещий — и не просто зловещий, а исполненный темной угрозы — облик»⁴⁰.

Помимо язычества в его античной, ориентальной и варварской версии, обращают на себя внимание ветхозаветные черты вампирических образов. Сама концепция вампиров как всемогущей привилегированной касты коррелирует с моралью Ветхого Завета, который прославляет силу (правителей, Бога, патриархов, мужчин). Во многих произведениях XIX века, в частности, в «Дракуле» Брэма Стокера, вампир уподоблялся божеству, напоминающему грозного ветхозаветного бога: он обладал сильной мужской харизмой, вызывал страх, олицетворял силу и вседозволенность, почти обретал бессмертие. Гофман также выводит в своих новеллах величественных, властных харизматиков, деспотичных, подчиняющих ближний круг людей своей воле («Магнетизер», «Зловещий гость»). Прообразом таких фигур можно считать как Бога-отца, так и Люцифера – альтернативного творца: не случайно демонические старики в некоторых новеллах с явно выраженными вампирическими мотивами (таких, как «Дочь Рапачини» или «Песочный человек») заняты сотворением нового человека или нового В «Дочери Рапачини» ярко показана метаморфоза отца, который берет на себя функции создателя. «Отец Беатриче, - продолжал Бальони, - поправил естественные чувства любви к своему ребенку и, как это ни чудовищно, пожертвовал дочерью ради своей безумной страсти к науке»⁴¹. Рапачини

40 Блэквуд Э. Тайное поклонение // Вендиго. СПб, 2006. С. 243.

41 Готорн Н. Дочь Рапачини // Алая буква. М, 2006. С. 34

предстает перед нами новым Саваофом: «При взгляде на юношу и девушку на бледном лице его появилось торжествующее выражение, какое могло появиться на лице художника или скульптора, всю жизнь посвятившего созданию произведения искусства и наконец удовлетворенного достигнутым. Он остановился, его согбенная фигура выпрямилась от сознания своего могущества, он протянул руки вперед и простер их над молодыми людьми, как будто испрашивая для них небесное благословение. Это были те же руки, что отравили чистый родник их жизни». Рапачини, как и подобает вампиру, населяет человеческий мир существами, «столь же грозны(ми), сколь и прекрасны(ми), «опасны(ми) для всех, кто осмелится к (ним) приблизиться», «способны(ми) одним дыханием сразить самых могущественных»⁴².

Значение крови также отсылает нас не к Новому завету, где она трактуется отвлеченно, символически, а к более древнему и brutальному Ветхому завету, где именно эта субстанция является носителем жизни и духа. Во «Второзаконии» сказано: «только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом; не ешь ее: выливай ее на землю, как воду; не ешь ее, дабы хорошо было тебе и детям твоим после тебя во веки» (Второзаконие, 12: 23-25). Это перекликается с идеей о том, как вампир похищает душу человека, выпив его кровь (нечто подобное происходит с Миной у Стокера). По выражению А. Секацкого, "обычный хищник ассимилирует биомассу своей жертвы; вампира интересует только ее лучшая, самая витальная часть — горячая кровь"⁴³. Ю.Кристева также подчеркивает значение, которые придавалось крови в Ветхом завете: «С одной стороны, — обескровленная плоть (предназначенная человеку), с другой — кровь (предназначенная Богу) <...> такой жизненный элемент как кровь ассоциируется также с женским началом, плодородностью и

42 Готорн Н. Дочь Рапачини // Алая буква. М, 2006.

43 Секацкий А. Выбор вампира // Прикладная метафизика. Спб., 2005.

предвещанием плодородия»⁴⁴. В любом случае вампир враждебен христианству постольку, поскольку он напоминает христианину о грубых, жестоких основаниях культа (например, о каннибализме) и соблазняет невиданными возможностями тела, физической силой, значение которой в христианстве всячески принижается.

2.2. Биология: Животное, человеческое и сверхчеловеческое.

В 1800-е годы происходит постепенное смещение научного интереса от физики к химии. Начинается активное изучение природы газов (связанное с такими именами, как Либих, Броун, Дальтон, позже – Бутлеров и Менделеев). В художественной литературе газообразные субстанции связывались с вампиризмом через мотив заражения. Начало этой традиции положили Гофман в «Пустом доме» и Готорн, у которого в новелле «Дочь Рапачини» испарения, ароматы играют исключительную роль: они приобщают здорового человека к миру искусственному и губительному: «Надвигалась ночь. Растения издавали удушающий аромат, который поднимался к тому окну, где жил юноша... пока она говорила, вокруг нее разлился пряный, упоительный аромат, который молодой человек, вследствие необъяснимого отвращения, не осмеливался вдохнуть»⁴⁵. Со временем, Джованни приобретает вампирические черты, и его собственное дыхание становится смертоносным: «Очнувшись от оцепенения, он увидел паука, усердно ткавшего свою паутину, затянувшую весь угол древнего карниза. <...> Джованни вторично дохнул на него, послав более сильную струю воздуха, на этот раз отравленного и ядом его сердца. Он сам не знал, какие чувства бушуют в нем — злоба или только отчаяние. Паук судорожно дернул лапками и повис мертвым в собственной паутине»⁴⁶.

44 Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб. 2003,

45 Готорн Н. Дочь Рапачини // Алая буква. М, 2006. С. 56.

46 Готорн Н. Дочь Рапачини // Алая буква. М, 2006. С. 56.

В дальнейшем газообразная среда (туман) трактуется как одна из ипостасей вампира в «Дракуле» Брэма Стокера, а спустя еще двадцать лет Лавкрафт лишает вампирическую силу антропоморфных черт и уравнивает ее с газом в «Сиянии извне». Одновременно проводятся новаторские опыты в области энергетики и электричества. В XIX веке изобретены гальваническая батарея, электрическая цепь (1827), ученые открывают возможности электромагнитного поля (1865). Рискованные эксперименты, сопровождаемые вспышками, молниями, нередко были окружены мистическим флером.

Технический прогресс открывал перед людьми новые, неслыханные возможности, в частности, кратно увеличивал скорость перемещения и позволял преодолевать огромные расстояния, делая пространство пронизываемым. Так, открытие в 1831 году магнитной индукции стало ключом к разработке электродвигателей. В 1883 году А.С. Попов и Г. Маркони создают беспроводной телеграф – радио. В 1877 году изобретен фонограф – устройство для записи и воспроизведения звука. То, что раньше казалось немислимым – передача звука на далекие расстояния, звукозапись в бытовых условиях – теперь становится реальным. Иными словами, традиционные способности сверхъестественных существ, в частности, вампиров, теперь получают массовое распространение. Так, Дракула в романе Стокера может вызывать слуховые галлюцинации и внушать человеку мысли или образы на расстоянии, но, с другой стороны, Мина и доктор Джон Сьюард могут делать аудиозаписи на фонографе и воспроизводить их, создавая своего рода звуковую галлюцинацию (голос без человека), а также передавать сообщения («мысли») на далекие расстояния при помощи современных средств связи, например, получая телеграммы, которые играют важную роль в сюжете романа. – именно из телеграмм они получают информацию о передвижении «Святой Екатерины», которая позволяет им организовать погоню за Дракулой.

В XIX веке биология выделяется в самостоятельную науку. Ученые формулируют концепцию живой природы, исследуется клеточная теория, начинают разрабатываться эволюционизм и дарвинизм. Эволюционное учение Дарвина сконцентрировало внимание общества на родстве человека с животными, тем самым поставив под сомнение его «божественное» происхождение. Пограничную зону между цивилизованным человеком и зверем успешно заполнил образ вампира, способного превращаться в животных или наделенного какими-либо звериными качествами. Естественно-историческая точка зрения дарвинистов на животное начало в человеке, предполагает, что адаптация и конкуренция сделали из обезьяны разумного прямоходящего человека. «Готический роман формировался под влиянием дебатов в философии и естественных науках того периода о том, в чем состоит особенность человека по сравнению с другими живыми организмами»⁴⁷, - пишет Д. Хапаева. Более поздняя, романтическая литература задается вопросом – может ли эволюция привести человечество на некую следующую ступень? И какое существо будет стоять на этой ступени? Один из возможных вариантов – это вампиры. Если человек сочетает в себе звериное и человеческое начало, то вампир соединил в себе и звериные, и человеческие, и сверхчеловеческие черты. Так, Дракула у Брэма Стокера обладает свойствами оборотня – он может превращаться в летучую мышь, крысу, используя те их черты, которые необходимы для достижения цели, у него есть человеческие качества – ум, ловкость, проницательность, которые позволяют ему выживать в мире людей и взаимодействовать с ними, а также он имеет сверхъестественные способности – бессмертие, нечеловеческую силу, власть над животными (умение ментально подчинять их). Паола, героиня одноименной новеллы Буше де Перта, также наделена гипнотическими способностями, имеет звериную ипостась и повелевает

47 Хапаева Д. Вампир — герой нашего времени. - URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1895> (проверено 06.05.2018).

стихиями. Когда главный герой говорит ей, что хотел бы потушить бушующий в городе пожар, она исчезает, чтобы спустя несколько мгновений появиться в эпицентре бедствия: «тут новые крики заставили его вновь взглянуть на пожар. Ему показалось, что на крыше пылающего дома стоит женщина в вуали. <...> Пламя внезапно перекинулось на тот самый дом, с которого начался пожар — от него остались одни головешки, зато теперь с огнем можно было справиться. Кругом все кричали о чуде, а многие уверяли, будто видели на крыше дома мадонну, спасшую город»⁴⁸. Д. Голышко-Вольфсон трактует вампира как сверхчеловека, который к константной человеческой основе добавляет животные или божественные способности: «обращаясь в летучую мышь или волка, спасаясь от солнечного света и проводя дни в наглухо закрытых гробах, они, тем не менее, возвращаются к своему первоначальному человеческому состоянию, даже улучшенному нажитой ими сверхъестественной силой и магическими сверхзнаниями»⁴⁹.

Открытия в медицине также приближали обывателя к вампирическому сверхчеловеку: благодаря новым вакцинам, лекарствам, пастеризации продуктов растет продолжительность жизни, снижается смертность от болезней, продлевается молодость. Одновременно повышается престиж врачебных специальностей, в результате врач с одной стороны выступает глашатаем прогресса, с другой – защищает социум от угроз, связанных с вампиризмом. В рассказе Джона Стэгга «Вампир» 1810 года доктора к больному даже не зовут, спустя уже 10 лет, у Полидори, к Обри вызывали врача-психиатра. В «Кармилле», опубликованной в 1872 году, врач – полноценный участник событий, именно медики диагностируют вампиризм: «Могила графини Миркаллы была вскрыта; Ее кожа, хотя со времени погребения прошло уже сто пятьдесят лет, была окрашена в теплые живые

48 Перт Ж. Б. де. Паола // *Infernaliana*. Французская готическая проза XVIII-XIX веков. М., 1999. С. 355 - 362.

49 Голышко-Вольфсон Д. Вампир versus зомби. URL: http://www.intelros.ru/pdf/siniy_divan/15/6.pdf (проверено 06.05.2018).

тона, глаза открыты; из гроба не исходил трупный запах. Два медика, один состоявший на службе в комиссии, другой — со стороны следствия, засвидетельствовали тот удивительный факт, что имелось слабое, но различимое дыхание и соответствующее биение сердца. Конечности сохранили гибкость, кожа — эластичность, а свинцовый гроб был наполнен кровью, в которую на глубину в семь дюймов было погружено тело»⁵⁰. В описании эксгумации отражаются анатомические открытия XIX века. Еще один пример - рассказ «Убийство мадам Кабанель» (1880 г.) Элизы Линтон, повествующий о том, как деревенские жители объявляют вампиршей горожанку, которая пугает их своей инаковостью. «Мадам Кабанель была иностранка - англичанка, юная, хорошенькая и белокурая, как ангел»⁵¹. «Смуглые, худые и низкорослые [жители французской деревни], они не могли оценить округлых форм, высокого роста и свежего лица англичанки. Они никогда не видели ничего подобного, и поэтому в ее красоте для них было больше зла, нежели добра»⁵². Единственные, кто встает на защиту мадам Кабанель - врач и ее супруг. Впрочем, они не успевают спасти даму от гнева суеверных крестьян. Наконец, в написанном на рубеже веков «Дракуле» Брэма Стокера вампирам противостоит тандем из ученого ренессансного типа Ван Хельсинга (окультист, физиолог и философ в одном лице) и просвещенного врача-психиатра Сьюарда.

Любопытно, что в конечном итоге, побороть вампиров возможно лишь при помощи ненаучных методов, причем просвещенные герои вынуждены прибегать к архаическим, полностью или наполовину языческим средствам, таким как смазывание оружия чесноком, чтение молитв-заговоров, выставление оберегов или иных предметов культа. Современная наука, а также позднее, рафинированное христианство оказываются бессильны перед

50 Ле Фаню Д. Ш. Кармила. СПб, 2017. С. 43.

51 Линтон Э. Убийство мадам Кабанель / Э. Линтон // Вампирские архивы. М., 2011.

52 Там же

вампирами. Так, в романе Брэма Стокера переливание крови, хоть и проходит успешно, но все равно не спасает Люси от обращения, церковные атрибуты лишь отпугивают, но не уничтожают нечисть, а единственным способом остановить ее становится осиновый кол.

2.3. Медицина. Эпидемии и диагностика.

В литературном вампиризме выразилась реакция на массовые заболевания, во многом связанные с миграцией и урбанизацией. У А.К.Толстого в «Семье вурдалака» проводится прямая аналогия между вампирами и болезнями. «Вурдалаки - это как зараза, - продолжал отшельник и перекрестился, - сколько уж семей в деревне пострадало, сколько их вымерло до последнего человека...»⁵³. С вампиризмом тесно связан мотив отравления (отчетливо выраженный, например, в «Лигей», «Повести крутых гор», «Паоле») и вирусного заражения (характерные примеры мы видим в «Дочери Рапачини» и, особенно, «Мантилье леди Элинор»).

Согласно статистическим сводкам из труда Энгельса "Положение рабочего класса в Англии", среди причин смертности в XIX веке лидировала «чахотка». Она сопровождалась кровохарканием – зачастую ночным, так что утром на подушке больного находили следы крови. В городах, наряду с туберкулезом, распространено было малокровие (также весьма «вампирический» по своим симптомам недуг).

Показательной является посмертная судьба Мерси Браун из Новой Англии. В 1892 году тело Мерси было эксгумировано для проведения обряда по очищению ее останков от вампирской скверны. Семья Мерси, слабо осведомленная о специфике туберкулеза, заболела «чахоткой». Первой умерла мать, за ней последовала сестра девушки, а следом, холодной зимой, чахотка забрала и саму Мерси, тело которой положили в склеп. Течение болезни имеет поразительное сходство с «периодом увядания» жертв

⁵³ Толстой. А.К. Семья вурдалака. М., 2013. С. 34.

вампиров, описанным в художественной литературе: они бледнеют, теряют вес, их ногти желтеют и загибаются наподобие когтей, больные кашляют кровью – установить, своей ли, или чужой, не представлялось возможным. В глазах местных жителей семья пострадала не от вируса, а от проклятья или от нападения потусторонних сил. Совершенно закономерным решением в то время было проверить тела умерших женщин, дабы узнать, не является ли одна из них вурдалаком. Мерси, пролежавшая два месяца в ледяном склепе, не обнаруживала признаков разложения, и потому была объявлена вампиршей. Сердце девушки сожгли, а прах отдали заболевшему брату, который, впрочем, все равно скончался спустя два месяца. Иными словами, принцип заражения, описанный в «Семье вурдалака» («Вурдалаки <...> сосут предпочтительно кровь у самых близких своих родственников и лучших своих друзей, а те, когда умрут, тоже становятся вампирами...»⁵⁴) мог иметь вполне физиологические причины. Отсюда – характерный для вампирических текстов мотив «проклятого» рода, который отразился в «Ашерах», «Упыре», гофмановском «Вампиризме» и «Магнетизере», «Страшной мести» Гоголя, а также и «Кармилле» (ведь Лора и Кармила – потомки единого рода Карнштайнов) и даже в буржуазных декорациях «Сияния извне».

История Мерси освещалась в газетах, одна из которых была найдена в бумагах Брэма Стокера, а потому есть основания полагать, что ее сходство с описанием смерти Люси – не случайность. Процедура вскрытия гроба и нахождения в нем не тронутого разложением покойника часто описывается в готических новеллах XIX века. Яркий пример: «Гробница Сары», где в буквальном смысле вскрывается гробница, наполненная затхлым воздухом и секретами прошлого, материализующимися в виде графини Сары. «В могиле лежало полностью одетое тело женщины, иссохшее, съежившееся и такое бледное, словно она умерла от голода. <...> Однако самое странное — и

54 Толстой. А.К. Семья вурдалака. М., 2013. С. 66.

страшное — было то, что тело прекрасно сохранилось. Если бы не жуткая худоба, могло бы показаться, что женщина умерла совсем недавно»⁵⁵.

Не менее остро в Англии стояла проблема распространения сифилиса: в 1864 году был издан «Акт о заразных болезнях», согласно которому в портовых городах и там, где была расквартирована армия, любую представительницу древнейшей профессии могли принудительно отправить на обследование. При обнаружении у нее гонореи или сифилиса ее отправляли в венерическую лечебницу под конвоем полисменом. Поскольку до 1908 года сифилис лечили ртутью, больные нередко «чахли», а также страдали от видений, принимавшихся за мистические откровения. Болезнь Ренфилда и сомнамбулизм Люси вполне могли быть побочным эффектом лечения ртутью. То, что связь жертвы с вампиром имеет явный эротический уклон, также позволяет ассоциировать воздействие вампира с венерическими болезнями. В самом деле, связи с вампирами ничуть не напоминали узаконенную любовь в браке: в хороших викторианских домах чувственность не поощрялась, и образцовая жена скорее походила на целомудренную и верную Мину Харкер, чем на кокетливую Люси, готовую выйти замуж за каждого из поклонников. Суеверное отношение к венерическим болезням подкреплялось ханжеской моралью: в массовой литературе о сифилисе старались не упоминать, обсуждение болезни допускалось лишь в специализированных журналах и книгах. Для широких масс венерические болезни, находившиеся вне "boundaries of decency"⁵⁶, оставались мистической карой за «блуд».

Еще одним, хотя весьма редким, экзотическим заболеванием, которое могло отразиться в вампирической литературе, была порфирия: симптомами ее служили повышенная чувствительность кожи больного к солнечному свету, бледность кожи, кровотечения в полости рта, обнажение

55 Лоринг Ф. Дж. Могила Сары // Вампирские архивы. М., 2011. С. 232.

56 Warwick A. Vampires and the Empire: the Fears and Fictions of the 1890's Cambridge University Press, 1995 p. 216

корней зубов. Этим недугом страдал король Георг III, правивший Британией до 1811 года, когда над ним было установлено регентство по причине его нездоровья. Болезнь несчастного монарха в то время широко обсуждалась в прессе.

2.4. Психология: Помешательство, гипноз и психоанализ.

В XIX веке достигает больших успехов новая наука – психиатрия. Это касается диагностики психических заболеваний (Ф.Пинель), классификации типов помешательства (Ж.Эскироль, Ж. -П. Фальре-отец), одновременно с этим устанавливаются закономерности в протекании психозов, формулируется понятие «галлюцинации». Психиатр Э.Ш. Ласег описал формы хронической мании преследования. Ж. П. Фальре дополнил результаты его исследований, выделив стадии бреда: инкубацию, систематизацию и стереотипию. К концу века в Европе повсеместно открываются психиатрические клиники, активно развивается психиатрическая помощь и патронажная система. Описывая нервные припадки вампирических персонажей (Паолы, Кармиллы, леди Элинора) или жертв вампирического влияния (Обри, Ангелики в «Зловещем госте», Рыбаренко, Теодора в «Пустом доме»), писатели XIX века опираются на опыт современной им психиатрии Гоголь в «Портрете» с врачебной обстоятельностью повествует о мании Чарткова, отмечая ее симптомы и динамику: «Припадки бешенства и безумия начали оказываться чаще, и наконец все это обратилось в самую ужасную болезнь. Жестокая горячка, соединенная с самою быстрою чахоткою, овладела им так свирепо, что в три дня оставалась от него одна тень только. К этому присоединились все признаки безнадежного сумасшествия. Иногда несколько человек не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновенного портрета, и тогда бешенство его было ужасно. Все люди,

окружавшие его постель, казались ему ужасными портретами. Он двоился, четверился в его глазах...»⁵⁷;

Еще один характерный пример – подробно документированная история болезни Ренфилда, у которого доктор Сьюард диагностировал психоз в форме бессвязных галлюцинаций и (религиозную) манию: то, что на мифологическом уровне представлено влиянием вампира, на психиатрическом уровне оказывается нервным заболеванием.

Наряду с опытами в области гипноза, в первой половине XIX века становятся популярными идеи месмеризма (животного магнетизма) – признанная впоследствии антинаучной теория немецкого врача Фридриха Месмера, согласно которой, люди выделяют особую магнитную энергию (флюиды), чтобы взаимодействовать друг с другом на телепатическом уровне. Месмеризмом живо интересовались многие романтики, работавшие в «готических» жанрах, в частности, Гофман, Арним, Одоевский, Готорн, По. Готье говорил, что месмеризм обеспечивает его и других писателей системой "фантастических, загадочных, оккультных и необъяснимых образов. В известном рассказе По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» (1845 г.) вмешательство месмериста останавливает процесс умирания, так что пациент, уже исчерпавший свои жизненные силы, продлевает свое физическое существование, подобно вампиру, остановившемуся меж двух миров. У него же месмеризм упоминается в «Повести крутых Гор»: «Между доктором Темплтоном и Бедлоу установилась весьма четкая и сильно выраженная магнетическая связь <...> воля врача окончательно возобладала над волей пациента, и в те дни, когда я познакомился с ними обоими, первый мог вызвать у больного сон мысленным приказанием, даже когда тот не подозревал о его присутствии»⁵⁸.

Угрожающая сторона месмеризма, трактуемого как вторжение в чужую душу

57 Гоголь Н.В. Портрет. СПб, 2012. С. 154.

58 По Э. Повесть крутых Гор // Лучшие стихи и рассказы. СПб., 2016. С. 24.

и насильственное подчинение чужой воле, показана уже у Гофмана в новелле «Магнетизёр». В XIX веке, с его установкой на психологизм, мотивы психического Магнетизёр манипулирования, воздействия на сознание вызывают у читающей публики едва ли не больший ужас, чем прямое физическое насилие над телом.

Яркий пример загипнотизированной вампиром жертвы - Люси Вестенра из «Дракулы» Б. Стокера. Чувственная, но отнюдь не выходящая за рамки приличий, Люси по ночам впадает в сомнамбулическое состояние и транслирует волю Дракулы: «Тут с нею снова произошла та же перемена, которую я не раз наблюдал ночью. Ее дыхание стало тяжелее, губа вздернулась и открыла бледные десны, благодаря чему ее зубы казались длиннее и острее, чем раньше; она в полусне бессознательно открыла глаза, ставшие вдруг мутными и суровыми, и сказала таким странным и сладострастным тоном, какого никто из нас никогда от нее не слышал: «Артур, любовь моя, я так рада, что ты пришел! Поцелуй меня»⁵⁹.

Также гипнотизирует свою жертву и Джеральдин из поэмы «Кристабель» С. Т. Кольриджа. В сцене соблазнения героиня поэмы, Кристабель, послушно выполняет приказы своей новой подруги. При этом вампириша бормочет «заклинания», вероятно, призванные ввести жертву в гипнотический транс. Романтические повести о вампирах изобилуют описаниями обмороков и трансов, т.е. состояний, когда жертва теряет волю и контроль даже над чувственными восприятиями. При этом сами описания своей подробностью и документальностью напоминают записи врача-психиатра. Вот характерная выдержка из дневника Лоры в «Кармилле»: «Ночь за ночью я крепко засыпала; но каждое утро просыпалась истомленная и весь день изнемогала от слабости. Я чувствовала, что я стала совсем другой. Странная печаль овладевала мною, какая-то отрадная печаль. Появилось

⁵⁹ Стокер. Б. Дракула. М., 2016. С. 322.

смутное предвидение смерти». Главный герой «Пустого дома» Гофмана также испытывает нечто похожее на гипноз «я хотел отшвырнуть от себя зеркало, но был не в состоянии сделать этого: внезапно небесные глаза прелестного создания обратили на меня свой взор, и он проник в самую глубину моего сердца. Ужас, объявший меня, уступил место сладостному томлению, которое пронзило меня электрическим теплом»⁶⁰.

К гипнозу, впрочем, прибегают не только вампиры, но и ученые, противодействующие им, в частности, Ван Хельсинг: он гипнотизирует Мину в определенные часы, чтобы узнать о перемещениях Дракулы и спланировать ответные меры. «У Ван Хелсинга уже вошло в привычку проводить с ней в это время сеанс гипноза. Сначала это давалось ему не без труда, приходилось делать много пассов, теперь же она поддается сразу, будто по привычке»⁶¹. В этом случае гипноз используется как метод современной психиатрии.

На стыке психологии, социологии и психиатрии в конце века возникает теория З. Фрейда, родоначальника психоанализа. Психоанализ обращался к бессознательному в человеке, вскрывая его неосознанные влечения. Для вампирических образов существенной является диалектика двух базовых инстинктов – влечения к сексуальному удовлетворению и к смерти (разрушению): мортидо и либидо. «В дискурсе психоанализа, - пишет Д. Гольинко-Вольфсон - вампир манифестирует агрессивное и неукротимое либидо, связанное одновременно с оплакиванием и меланхолией (подробно описанными Фрейдом в статье 1917 года). В силу своего возраста (или безвозрастности) извечно меланхоличный вампир, оплакивающий потерянных любимых, компенсаторно мстит человеку за то, что тот смертен, одаривая его сомнительно радостным бессмертием»⁶². По большому счету, вампир

60 Гофман Э. Т. А. Пустой дом // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, СПб. 2010.

61 Стокер. Б. Дракула. М., 2016. С. 223.

62 Гольинко-Вольфсон Д. Вампир versus зомби. URL:

http://www.intelros.ru/pdf/siniy_divan/15/6.pdf (проверено 06.05.2018).

олицетворяет два основных инстинкта: инстинкт жизни (и продолжения рода) и тяготение к смерти, к разрушению. Внешне привлекательный и сексуальный, он сеет смерть и разрушения. Так, само название рассказа Теофиля Готье – "Любовь мертвой красавицы" (1836 г.) соединяет в себе темы Эроса и Танатоса. Кармила в одноименной повести произносит известную фразу: «Но умереть как влюбленные — умереть вместе, чтобы вместе жить... Девушки — это гусеницы, которые живут в этом мире, чтобы в конце концов стать бабочками, когда придет лето⁶³». По сути, она выстраивает противоестественный природе и эволюции процесс развития девушки, где половая зрелость служит необходимой предпосылкой для суицида. Как отмечает Д. Хапаева, "привлекательные черты, которыми обладали вампиры в классических текстах, чаще всего «разоблачались» в повествовании, и вампир предстал перед читателем в виде чудовищного монстра"⁶⁴. В конечном итоге вампир отождествляется с отталкивающими и пугающими компонентами пола, его эротический флер маскирует более грубые и деструктивные влечения. Об этом глубоко и обстоятельно пишет Ле Фаню в эпилоге «Кармиллы»: «Вампиры склонны подпадать под очарование некоторых людей. Эта всепоглощающая страсть напоминает любовь. Следуя за предметом своей страсти, вампиру приходится проявлять неистощимое терпение и хитрость, потому что доступ к тому может быть затруднителен из-за множества различных обстоятельств. Вампир никогда не отступает, пока не насытит свою страсть, высосав до капли жизненный источник желанной жертвы. Но он с утонченностью эпикурейца будет лелеять и растягивать удовольствие и умножать его, прибегая к приемам, напоминающим постепенное искусное ухаживание. В таких обстоятельствах вампир, по-видимому, стремится к чему-то вроде взаимности и согласия. Обычно же он подступает к жертве

63 Ле Фаню Д. Ш. Кармила // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, Спб. 2010. Стр 256

64 Хапаева Д. Вампир — герой нашего времени. - URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1895> (проверено 06.05.2018).

сразу, неистово на нее набрасывается и часто удушает и высасывает за одну трапезу»⁶⁵. Красота в любом случае оказывает приманкой, иллюзорной оболочкой, под которой скрывается монструозный облик, например, томная красавица оборачивается уродливой старой ведьмой в «Вие», в «Паоле» и в «Пустом доме»: «вдруг явилась передо мною из тумана, наполнявшего комнату, молодая, высокая женщина в богатых блестящих одеждах. Повторив еще раз пронзительным голосом: "Здравствуй, дорогой жених!" она двинулась ко мне, раскрыв объятия. И обманутые глаза мои увидели вместо прелестного лика желтое, искаженное старостью и безумием лицо»⁶⁶.

65 Ле Фаню Д. Ш. Кармила // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, Спб. 2010. Стр 239-240

66 Гофман Э. Т. А. Пустой дом // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, Спб. 2010

Глава 3. Гендер и сексуальность

3.1. Инверсия гендерных ролей

XIX век стал, по выражению Кристофера Крафта, эпохой «сексуальной неопределенности». В викторианском обществе сталкивались несовместимые друг с другом представления о подобающем гендерном поведении, о сексуальных нормах, общество сильно разделялось в своем отношении к традиционным поло-ролевым моделям. Обострился интерес к изучению нетрадиционных гендерных вариаций, в частности, гомосексуализма и бисексуальности. Культуролог М. Уильямсон пишет о формировании в викторианской Англии квир-культуры (термин используется для обозначения любой, не соответствующей традиционной, модели поведения и идентичности), отображением которой были в том числе и литературные вампиры: «образ вампира, соединяющий в себе чувствительность и чувственность, находит отклик в душах многих представителей западной цивилизации, не вписывающихся в модели нормативной идентичности»⁶⁷. Вампир, при этом, зачастую дестабилизирует традиционные поло-ролевые модели.

Так, например, Джонатан Харкер в романе Б. Стокера "Дракула", в сцене с вампиршами в замке графа выступает в роли подчиненного, проявляя женственную пассивность, в то время как вампирши демонстрируют властное, маскулинное поведение. Женщина-вампир доминирует в тандеме, присваивая себе мужскую привилегию проникать в чужое тело. Пассивность и отсутствие должного сопротивления или попыток перенять инициативу характеризуют и Кена (в "Тайне Кена" Джулиана Готорна), который подпал под любовные чары женщины-вампира. Инверсию традиционных, патриархальных отношений мы видим в «Паоле», где демоническая невеста руководит брачной церемонией:

67 Blood Is the Life: Vampires in Literature. // Bowling Green, OH: Bowling Green State University Popular Press, 1999.

«Я узнала тебя, ты мой жених <...> «Время настало! Ты поклялся — иди же!». Она взяла его за руку. Альфонс вздрогнул от боли, как было в первый раз, когда она коснулась его. Не обращая на это никакого внимания, она повлекла юношу к камню и, усевшись, приказала ему занять место рядом. <...> «Да, — продолжала она тоном, заставившим его содрогнуться, — наступает время венчания»⁶⁸.

В «Кристабели» Джеральдин также берет на себе не свойственные «слабому полу» функции: она приказывает Кристабель лечь в постель, протянуть к ней руки, как в брачном обряде, т.е. присваивает себе мужские полномочия. В оригинале текста обыгрывается двусмысленность лексики, которая теряется в переводах. |

«She took two paces and a stride

And lay down by the maiden's side:

and in her arms **the maid she took**»⁶⁹

последняя строчка может быть рассмотрена как метафора эротической связи. Глагол to take используется, как в русском языке, для идиомы «взять в жены», однако, говоря на английском языке даже можно не добавлять «в жены»: если речь идет о женщине, достаточно глагола

«Her gentle limbs did she undress

and lay down in her loveliness»⁷⁰.

Более того, Джеральдин приказывает Кристабель лечь в постель — подобные указы могли давать исключительно мужья, что делает ее маскулинной в глазах читателя 19 века.

68 де Перт Ж. Б. Паола // Infernaliana. Французская готическая проза XVIII-XIX веков. М. 1999. С. 456.

69 Перевод Coleridge S. T. Kubla Khan: A Vision in a Dream & Christabel // Mosaic Books 2017

70 Там же

В этом случае, как и в общем правиле, образ вампира соединяет в себе сугубо современную тенденцию, которая угрожает традиционному укладу, и сугубо архаическое основание, которое грозит регрессом. Применительно к вампирам можно говорить о соприкосновении в одном образе феминизма и матриархата. В женщине-вампире, с ее сексуальной раскованностью, с ее отказом быть живым инкубатором и «ангелом в доме», с ее претензией на интеллектуальное равенство с мужчинами, безусловно, угадываются пропагандистки артикулированных в конце XVIII века идей женской эмансипации. Одновременно ее недюжинная сила – физическая и гипнотическая, ее властность и даже грубость пробуждают память о далеком матриархате, который несет еще более опасный подрывной заряд для патриархального общества, чем женская эмансипация.

Страх перед женской сексуальностью напрямую связан с угрозой «переворачивания» гендерных ролей. Обри и Харкер после столкновения с вампиром описываются в категориях, которые в XIX веке применялись к женщинам: слабые, бледные и болезненные, порой истеричные. Окончательно Обри феминизируется тогда, когда он, страдая от наваждений, замыкается в себе и теряет рассудок, то есть контроль над своей личностью и своей жизнью. Подобно женщине, он вынужден проводить дни дома, зависеть от его опекунов и, в итоге, теряет свои мужские привилегии, оказывается неспособен защитить сестру, как положено старшему брату и главе дома (Согласно своему статусу, Обри должен был сам выбрать ей жениха, так как ее приданным заведовал именно он).

3.2. Нетрадиционная сексуальность

Отношение к сексуальным «девиациям» в викторианском обществе было неоднозначным. Уже Дарвин в своих работах описывал не только традиционные гендерные роли, но и нетипичное гендерное поведение в природе и разнообразие возможностей сексуальных связей. В статье Sex &

Sexuality in the 19th Century музея Виктории и Альберта, упоминаются целые движения за возрождение «Греческих» норм, ориентированные на «возвышенную» гомосексуальность Платона. Так как мужской и женский гомосексуализм был отклонением от викторианских норм, о нем не говорили открыто, но не криминализировали вплоть до 1885 года, когда в Англии вышел закон, объявляющий гомосексуальную связь (даже за закрытыми дверями) нарушением общественных норм. Тем не менее, однополые связи не прекратились: в «Портрете Дориана Грея», например, присутствует упоминание известного своим либеральным отношением к мужской гомосексуальности курорта. На этом фоне арест Оскара Уайльда (1896) был скорее событием экстраординарным.

Вампиры 19 века тоже имеют неоднозначную сексуальную ориентацию. Сам образ вампира в произведениях XIX века иногда трактуется в андрогинном ключе. Характерный пример – граф Вардалек «Он был высоким мужчиной, с красивыми вьющимися волосами, обрамлявшими его женственно-округлое лицо и ниспадавшими на плечи. В фигуре чувствовалось нечто змеиное — я не в силах описать что именно, но это было так. Утонченные черты; притягивающие взор холеные руки...»⁷¹.

Колебания проявляются не только во внешности, но и поведении. Так у Джозефа Шеридана Ле Фаню в "Кармилле" и в «Кристабели» Кольриджа вампирша оказывает знаки внимания главной героине, тем самым затрагивая в новелле и мотив гомосексуальных отношений, уголовно наказуемых в XIX веке. "Кармила проявляла еще большую привязанность ко мне, чем раньше, и странные приступы томного обожания случались с ней еще чаще. Она пожирала меня глазами со все большим пылом, по мере того как убывали мои телесные и душевные силы»⁷². «Иногда мне чудилось, что чья-то рука мягко

71 Стенбок Э. Правдивая история вампира // Вампирские архивы. М., 2011. 1568 с.ф

72 Ле Фаню Д. Ш. Кармила // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, Спб. 2010. Стр 239-240

движется вдоль моей щеки и затылка. Иной раз словно бы теплые губы целовали меня и поцелуи становились более долгими и нежными, когда добирались до шеи, но здесь губы замирали»⁷³. В новелле Эрика Стенбока «Правдивая история вампира» Вардалек – редкий пример неприкрытой мужской гомосексуальности в литературе о вампирах. «Габриель спазматически вытянул руки и обвил шею Вардалека. Это было его единственное движение за долгое время. Граф склонился к нему, целуя в губы»⁷⁴. Гомосексуальное начало, по мнению Кристофера Крафта, прослеживается и в образе Дракулы, который испытывает влечение к Джонатану Харкеру. Это особенно заметно в эпизоде, когда Джонатан, только приехав в замок, порезался бритвой, и в сцене ревности, когда на Джонатана нападают три вампирши, а Дракула отгоняет их, крича: «Как вы смеете прикасаться к нему, вы все. Как смеете вы смотреть на него, если я запретил это? Назад, говорю вам, вы все! Этот человек принадлежит мне»⁷⁵. Двусмысленную окраску имеют отношения Обри с лордом Рутвеном, - по крайней мере, его упорное стремление быть рядом, сопутствовать лорду, едва ли объясняется одним лишь намерением «узнать поближе эту одинокую душу, которая до сего момента только подстегивала его любопытство»⁷⁶. По большому счету, Обри в романтическом смысле идеализирует Рутвена: «юноша вскоре сделал из объекта своих наблюдений героя романа и продолжал наблюдать более поросль своей фантазии, чем находившуюся перед ним реальную личность» и стремится как можно чаще быть с ним наедине.

Как и вампиризм, сексуальные девиации, согласно бытовавшим в XIX веке взглядам, передавались через соприкосновение и физическое

73 Там же

74 Стенбок Э. Правдивая история вампира // Вампирские архивы. М., 2011. 1568 с.ф

75 Стокер. Б. Дракула. М., 2016. С. 56.

76 Полидори Д. У. Вампир. // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, Спб. 2010. С. 125.

проникновение Отсюда берут начало распространенные теории о «растлении гомосексуалистов». М. Уильямсон так формулирует эту угрозу: «вампир может заразить нас своей «инаковостью», обманом вовлечь нас в извращенные интимные отношения».

3.3. Брак, семья и деторождение

Вампир всегда и неизменно подрывает традиционный институт брака и семьи. Эротическая связь с вампиром, как уже говорилось выше, противоположна брачным отношениям. Яркий пример тому – судьба Люси Вестенра, которая погибает вскоре после согласия на женитьбу с Артуром Холмвудом. Примечательно, что вампир у Стокера может войти в дом жертвы только по ее приглашению. В этом случае жертва - незамужняя девушка, невеста, оказывается отчасти виновной в дальнейшей трагедии, позволив вампиру проникнуть ночью к себе в спальню. Мужчины также несут на себе вину за то, что не уберегли своих женщин.

В рассказе "Тайна Кена" главный герой, обручившись с красивой девушкой, неожиданно отказывается от женитьбы, Он влюбляется в таинственную женщину, которой, по ее же просьбе, надел на палец купленное в антикварной лавке кольцо. При этом Кен даже не вспоминает про свою настоящую невесту, завороченно думая только о роковой красавице: «она была той самой женщиной, о которой я грезил, которую я видел в мечтах, той женщиной, чьи лицо и голос преследовали меня с отроческих лет. Я не знал, встречались ли мы прежде в реальной жизни; вероятно, я, сам того не осознавая, искал ее повсюду, а она ждала меня <...> пока в ее жилах не застыла кровь, которую отныне мог согреть только пыл моей любви»⁷⁷. Традиционный брак с подобной *femme fatale* невозможен – таинственная незнакомка остается возвышенным предметом его мечтаний, она не вписывается в рамки семейственности.

⁷⁷ Готорн Д. Тайна Кена // Вампирские архивы. М., 2011. С. 765.

Соблазнение жертвы непосредственно перед свадьбой или подмена брачного партнера – вампиром – в любом случае делают невозможными брачный союз и семейную жизнь. «Зловещий гость» убеждает Ангелику в смерти суженого, но сам, несмотря на все приготовления, так и не вступает с ней в брак, Паола заставляет Альфонса забыть о любящей его невесте, а впоследствии убивает соперницу, Венера Ильская физически разделяет жениха и невесту в первую брачную ночь (не говоря о том, что она, до смерти испугав Альфонса, делает его неспособным к исполнению супружеского долга).

У Д. Полидори вампир вмешивается в судьбу героев несколько иным способом. Он формально проходит через свадебный обряд, женившись на сестре Обри. При этом он стремится не только утолить жажду, но и дискредитировать институт брака и семьи.

Как правило, романтический вампир провоцирует разлад среди родственников или в брачном союзе, поскольку ему необходимо незаметно для остальных изолировать жертву, изъять ее из социального окружения. Правильнее будет сказать, что он вторгается туда, где уже наметились трещины, где уже есть место разобщенности и недомолвкам, и добивается цели лишь там, где семейные узы недостаточно крепки. Сестра Обри, которая не может поверить брату, – показательный пример недоверия в семье. В случае с Кристабель (которая, хоть и не названа вампиром напрямую, напоминает ламию, и безусловно является одним из литературных прототипов Кармиллы), отец так очарован прекрасной незнакомкой, что не замечает страданий дочери. Отец Габриэля до последнего остается глух ко всему происходящему, а после драматической развязки, дом Габриэля окончательно приходит в упадок. У Гофмана граф Ипполит при виде прекрасной девушки забывает о предостережении отца и терпеливо сносит мертвецкую хватку старой графини. Вампир уподобляет своих жертв себе, постепенно превращая

людей социализованных – в маргиналов, изгоев. Именно в этом обвиняет Гуасконтти «отравительницу» Беатриче (хотя в действительности она – лишь орудие своего вампирического отца): «Проклятая богом, - вскричал он с ядовитым презрением, - найдя свое одиночество тягостным, ты отторгла меня от жизни и вовлекла в свой адский круг? ... Ты добила своего и заклемила меня проклятием. Ты влила яд в мои жилы, отравила мне кровь и сделала из меня такое же ненавистное, уродливое и смертоносное существо, как ты сама, отвратительное чудовище!»⁷⁸

Вспомним также трагический финал Чарткова: после череды светских успехов он оказывается фактически в остракизме, даже прохожие на улице его сторонятся как ядовитую гадину. Победить вампира, - то есть воплощенную перверсию и субверсию - представляется возможным, только восстановив крепкие и здоровые человеческие связи, построенные на взаимном доверии. Это невозможно в среде скучающих и лицемерных аристократов, где типичная дама, как метко выразился Байрон в поэме Дон Жуан «look'd a white lamb, yet was a black sheep»⁷⁹ - именно поэтому лорд Рутвен, с его «подчеркнутой неприязнью к пороку»⁸⁰, был желанным гостем в домах у благородных девиц. И наоборот, именно в борьбе с вампиром формируется слаженная, основанная на принципах верности и взаимовыручки, команда, которую описывает в своем романе Брэм Стокер.

Как уже говорилось, в образах вампиров могут стираться специфические черты мужской или женской физиологии. Сью Эллен Кейс пишет в этой связи о неразличимости в литературном вампире регенерации и стерильности. Действительно, вампиры в произведениях XIX века не могут иметь детей, зачатых, выношенных и рожденных естественным путем. Это

78 Готторн Н. Дочь Рапачини // Алая буква. М, 2006.

79 Byron's Don Juan and the Don Juan Legend // Oxford: Clarendon Press, 1997, p 197

80 Полидори Д. У. Вампир. // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, СПб. 2010. С. 267.

соответствует феномену стерильности, ведь физиологически тело вампира мертво, а значит, не способно к деторождению. Поэтому вампиры размножаются иначе – через укус, вирусным путем. Это позволяет им преодолеть границу между мертвым и живым, и становится своеобразной компенсацией: будучи неспособными родить ребенка, вампиры, все же, могут произвести на свет себе подобного. Мужчины-вампиры, в целом, сохраняют маскулинную роль отца, выступая в качестве наставников или опекунов, зато женщины безоговорочно утрачивают свою фертильность.

Проспер Мериме в очерке «Вампиризм» описывает две восточноевропейские деревенские легенды, с которых началась популяризация образа вампира. В обоих случаях преследуют молодую и прекрасную девушку, невесту, готовящуюся убежать с влюбленным в нее мужчиной (по сути, совершить свадебный ритуал). Невинные, но созревающие девушки, традиционно ассоциирующиеся с фертильностью, становятся излюбленными жертвами вампиров – они не связаны социальными узами и чисты. Убивая девушек брачного возраста, вампиры пресекают воспроизводство рода. В позднейшей готической литературе появятся так называемые «Невесты Дракулы» - девушки, которые не рожают детей, что с традиционной точки зрения противоречит оригинальному понятию невесты.

Патологический пример «обращенного» материнства описан у Гофмана в новелле «Вампиризм»: в проявлениях вампирических наклонностей у Аврелии врач и муж видят симптомы беременности. Однако, на деле – это психоз женщины, которая одержима идеей отведать мясо своего мужа и не может иметь детей: в отличие от своих фертильных жертв вампиры бесплодны. Так, Паола, у которой очевидно нет недостатка в мужчинах, не имеет потомства. Бесплодная женщина издревле была пугающим образом – неспособность к деторождению воспринималось не как болезнь, а как нечто противоречащее природе. Таких женщин сторонились, их считали виновными

в неурожае, традиционно ассоциируя дородность с плодородием. Еще в XIX веке бесплодие было одним из немногих достаточных оснований для развода; в «готической» литературе бесплодие и нежелание иметь детей трактуются как приметы вампиризм.

Безусловно, вампир привносит в жизнь буржуазного общества запретные наслаждения. Лорд Рутвен в полной мере наделен чертами демона-искусителя. Он соблазняет женщин, особенно тех, что славились чистотой помыслов и высокой нравственностью и, можно сказать, пробуждает в них подавленное языческое начало "...характер последнего [лорда Рутвена] ужасно порочен, что его развращающему влиянию невозможно противостоять и именно это делает его необузданные наклонности чрезвычайно опасными для общества. <...> Все женщины, которых он добивался, очевидно стоявшие на вершине своей добродетели, после его отъезда сбросили маски и не постыдились выставить на всеобщее обозрение всю омерзительность своих пороков». Очевидную параллель с искусительницей демонстрирует и Кларимонда, преследующая главного героя во сне и соблазняя, заставляя сделать выбор между христианским служением и плотью в пользу последней. Сходную трансформацию временно переживает и добропорядочный Джонатан Харкер, поддавшись чарам молодых вампирш: «В лунном свете против меня стояли три молодые женщины. <...> У всех троих были великолепные белые зубы, сверкавшие жемчугом между рубиново-красных сладострастных губ. В них было нечто такое, что сразу заставило меня почувствовать какую-то тревогу, некое томление и одновременно смертельный ужас. В душе моей пробудилось омерзительное желание, чтобы они меня поцеловали своими красными чувственными губами»⁸¹. Однако надо помнить, что вампир, не стремящийся к соитию, деторождению и браку, предпочитающий всяким

81 Стокер. Б. Дракула. М., 2016 С.151

связям – поглощение, лишь имитирует сексуальное влечение ради целей, далеких от чувственности.

Заключение

В заключении я хотела бы суммировать наиболее общие выводы своей работы, чтобы выделить их среди примеров и детальных пояснений в основной части.

1. Ключевым из социальных прототипов романтического вампира является аристократ, который, слабея и утрачивая свои общественные функции, сохраняет еще в XIX веке некоторые рычаги влияния. К этой основе добавляются черты нового социального типажа – денди (например, представителя богемы). С аристократом его роднит мотив иллюзорности (в обоих случаях блестящая поверхность обманывает), а также демонстративная антибуржуазность поведения. Наконец, важные смысловые оттенки в образ вампира вносит мигрант из отсталых стран или регионов, в мифологическом смысле – варвар, дикарь. В теории подобный конгломерат кажется невозможным, но в художественной практике XIX века эти слагаемые бесконфликтно соединяются в едином образе, хрестоматийным примером может послужить граф Дракула Брэма Стокера – аристократ из древнего рода, эксцентрик и щеголь (с точки зрения лондонцев) и варвар, принадлежащий к воинственному племени секлеров. Отношение публики к этим социальным типажам характеризует амбивалентность. Аристократ привлекает своим величием и размахом, денди – раскованностью, свободой от предрассудков, варвар – своей витальностью и силой. Вместе с тем обывателя пугает призрак насилия и эксплуатации, ассоциируемый с аристократией, эгоцентризм денди и его оторванность от социума, а также деструктивный потенциал дикаря, чья энергия обращается против основ цивилизованного общества.

2. Дискредитация и институциональное ослабление церкви, начавшиеся в XVIII веке, активизируют в XIX столетии интерес к языческим

(с христианской точки зрения) религиям. Вампир, в отличие от своих литературных предшественников - либертинов эпохи Просвещения, удовлетворяет запрос не на критику христианских «суеверий», но на поиск альтернативной религии. Его мораль и ритуалы представляют собой инверсию (иногда – буквальную) христианских норм и ритуалов: он, можно сказать, переводит символы и процедуры христианства в языческое русло, возвращаясь к культу агрессивной физической силы. Подобные поиски также вызывали у широкой публики амбивалентный отклик: тягу к живой, действенной религии омрачал страх перед регрессом.

3. Открытия в области естественных и гуманитарных наук (прежде всего – в химии, биологии и психологии) переместили в центр внимания неантропоморфную, животную ипостась человека. Теории животного магнетизма, дарвинизм, психоанализ и открытия в области медицины реабилитировали физиологию в человеке и повысили ее статус, подчеркнули аналогию между человеком и иными живыми существами, включили его в природные цепочки (например, как один из эволюционирующих видов, или как проводник энергии, или как носитель вируса). В этом смысле образ вампира позволял показать взаимопроникновение человеческого и животного начала, и более того – торжество (животной) физиологии над (человеческим) сознанием.

4. Не менее отчетливо в образе вампира отразились обусловленные экономическими причинами эрозия традиционных гендерных ролей и ослабление патриархата. Вампир подрывает патриархальные поло-ролевые модели, смешивая и меняя местами «мужское» и «женское» и в самой своей физиологии (андрогинность), и в поведении (инверсия ролей, нетрадиционная ориентация). С одной стороны он раскрепощает чувственность и способствует эмансипации полов, что соответствовало общему вектору XIX века – курсу на либерализацию отношений между полами, с другой стороны – он рушит

институт брака и семьи, разрывает всяческие социальные связи, в конечном итоге – превращает свои жертвы в изгоев. Его эротизм служит лишь приманкой: радикальная либерализация половой сферы, как показывают авторы «вампирических» повестей, подрывает инстинкт продолжения рода, а вслед за ним и чувственное влечение.

Вышеперечисленные выводы демонстрируют актуальность выбранной тематики в современной повестке дня: почти все социальные тренды актуальны и сегодня, пусть и в несколько адаптированном под реалии XXI века виде. Информацию, полученную из данной работы, можно использовать в дальнейших исследованиях в сфере социологии и филологии.

Список литературы

1. Антонов С. А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // Гость Дракулы и другие истории о вампирах. Антология. СПб, 2009. С. 121-129.
2. Байрон Д.Г. Огаст Дарвелл // Английская повесть о вампирах. М., 2010. 540 с.
3. Блэквуд Э. Тайное поклонение // Вендиго. СПб, 2006. 656 с.
4. Бодлер Ш. Поэт современной жизни. М., 1986. 222 с.
5. Гоголь Н.В. Вий. СПб, 2011. 288 с.
6. Гоголь Н.В. Портрет. СПб, 2012. 136 с.
7. Готорн Д. Тайна Кена // Вампирские архивы. М., 2011. 1568 с.
8. Готорн Н. Дочь Рапачини // Алая буква. М, 2006. 544 с.
9. Готорн Н. Мантилья леди Элинор // Алая буква. М, 2006. 544 с.
10. Готье Т. Любовь мертвой красавицы. М., 2017. 448 с.
11. Гофман Э. Т. А. Вампиризм // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, СПб. 2010. 387 с.
12. Гофман Э.Т.А. Зловещий гость // Вампирские архивы. М., 2011. 1568 с.
13. Гофман Э.Т.А. Магнетизёр. Семейная хроника. М., 1991.
14. Гофман Э. Т. А. Пустой дом // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, СПб. 2010. 387 с.
15. Джелдер К. Прочтение вампира. Routledge, 1994. 161 с.
16. Караминас В. Денди-вампир // Новое литературное обозрение. №23. 2012.

17. Крестева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб. 2003, с. 36-67
18. Ле Фаню Д. Ш. Кармила. СПб, 2017. 208 с.
19. Ливен Д. Аристократия в Европе, 1815–1914. М., 2000. 368 с.
20. Линтон Э. Убийство мадам Кабанель // Вампирские архивы. М., 2011. 1568 с.
21. Лоринг Ф. Дж. Могила Сары // Вампирские архивы. М., 2011. 1568 с.
22. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. СПб, 1905. 128 с.
23. Маркс К. Капитал. СПб., 2018. 512 с.
24. Мериме П. Венера Ильская. М., 1986. 672 с.
25. Мериме П. О вампиризме // Гость Дракулы и другие истории о вампирах. СПб. 2009. 368 с.
26. Мопассан Г. де. Орля. // Новеллы. М., 1982. 286 с.
27. де Перт Ж. Б. де. Паола // *Infernaliana*. Французская готическая проза XVIII-XIX веков. М., 1999. С. 317-362.
28. По Э. Лигейя // Лучшие стихи и рассказы. СПб., 2016. 208 с.
29. По Э. Падение дома Ашероу. СПб. 2012. 640 с.
30. По Э. Повесть крутых Гор // Лучшие стихи и рассказы. СПб., 2016. 208 с.
31. По Э. Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром // Страшные рассказы. СПб, 2013. 224 с.
32. Полидори Д. У. Вампир. // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, СПб. 2010. 387 с.

33. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981. 200 с.
34. Секацкий А. Выбор вампира // Прикладная метафизика. СПб., 2005. 104 с.
35. Стенбок Э. Правдивая история вампира // Вампирские архивы. М., 2011. 1568 с.
36. Стокер. Б. Гость Дракулы // Гость Дракулы и другие истории о вампирах, СПб. 2010. 387 с.
37. Стокер. Б. Дракула. М., 2016. 448 с.
38. Тимофеева О. Зверинец духа. НЛО. 2011. №107.
39. Толстой. А.К. Семья вурдалака. М., 2013. 640 с.
40. Толстой. А.К. Упырь. М., 2013. 640 с.
41. Фрейд З. Тотем и табу. СПб, 2005. 640 с.
42. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь Исследование магии и религии. М. 1986. 289 с.
43. Хапаева Д. Вампир — герой нашего времени. - URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1895>
44. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии СПб., 1905.
45. Ямпольский Я. Демон и лабиринт. М., 1996. 318 с.
46. Иностранные источники:
47. Auerbach N. Our Vampires, Ourselves. 1998.
48. Blood Is the Life: Vampires in Literature // Bowling Green, OH: Bowling Green State University Popular Press, 1999.
49. Blood Read: The Vampire as Metaphor in Contemporary Culture // Philadelphia, Pa: University of Pennsylvania Press, 1997.

50. Coleridge S. T. *Kubla Khan: A Vision in a Dream & Christabel* // Musaicum Books 2017
51. Carol A. Senf. *The Vampire in Nineteenth Century English Literature*, 1998.
52. De Fritas M. F. “Poe’s Vampire-Like Women” // Proc. of Congresso Internacional Para Sempre Poe, Universidade Federal de Minas Gerais, 2009.
53. de Sant'anna A. B. *The vampire in nineteenth-century english fiction: the various faces of the other* // Dissertação (Mestrado em Letras) Universidade do Estado do Rio de Janeiro. Rio de Janeiro, 2000.
54. Dundes A. *The Vampire: a casebook*. // Madison: University of Wisconsin Press, 1998.
55. Johnson S. *The Ghost Map: The Story of London's Most Terrifying Epidemic - and How It Changed Science, Cities, and the Modern World*. Penguin Publishing Group, 2006
56. Hollinger V. *Blood Read: The Vampire as Metaphor in Contemporary Culture*. HPB-Dallas, 1997.
57. McCutcheon M. *Everyday Life in the 1800s: A Guide for Writers, Students & Historians (Writer's Guides to Everyday Life)*. Writer's Digest Books, 2001
58. Warwick, A. *Vampires and the Empire: the Fears and Fictions of the 1890's* Cambridge University Press, 1995